

ШКОЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ ПО НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ЮГА РОССИИ КАК РЕСУРС ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ¹

А. Ю. Рожков, Т. А. Рунаев

Рожков Александр Юрьевич

Эл. почта: avro14@mail.ru. ORCID 0000-0002-3064-2915

Рунаев Тимофей Александрович

Эл. почта: runaevt@yandex.ru. ORCID 0000-0002-0154-6959

Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Россия

Аннотация. Одним из способов формирования социальной идентичности является трансляция коллективной памяти. Но наличие множества образов прошлого, противоречащих и конфликтующих друг с другом, обуславливает борьбу идентичностей и внутреннюю конфронтацию общества. Поэтому для успешного воспроизводства российской национальной идентичности необходимо наличие единого исторического поля, где разные образы прошлого представлены в виде нарратива. Однако многосоставной характер российского общества влечет за собой риски несовпадения исторических интерпретаций на федеральном и региональном уровнях. Для минимизации рисков требуется целостная система школьного исторического образования, инструментами которой выступают образовательные стандарты, учебные рабочие программы и учебники. Необходимо понимать, в какой диспозиции находится данный инструментарий на общероссийском и региональном уровнях. В статье рассматривается интеграционный потенциал региональных школьных учебников по новейшей истории двух субъектов РФ: Краснодарского края и Республики Крым. Исследовательский интерес фокусируется на конструировании образов социальной идентичности в нарративах учебников. Сначала рассматривается контекст российского школьного исторического образования. Затем, используя драматический подход в нарративном анализе, выявляется коммеморативная плотность региональных исторических нарративов, а также их интертекстуальная связь с нарративом общенационального масштаба. В результате выделяются магистральные тематические линии нарративов, на основе которых презентуются региональные идентичности. В выводе утверждается, что нарратив новейшей истории, представленный в школьных учебниках, направлен на позитивное восприятие учащимися региональной и общенациональной идентичности.

Ключевые слова: политика памяти, историческая память, исторический нарратив, общее образование, Краснодарский край, Республика Крым.

Новейшая история настолько пропитана травматическими событиями в виде катастроф, братоубийственных смертей, разрушенных судеб, неудавшихся социальных проектов, что ее неправильная подача может привести к формированию негативной национальной идентичности — к стремлению переписывать прошлое. В результате появляется опасность возникновения боев за историю, приводящих к социальному напряжению и конфронтации сообществ, придерживающихся разных версий истории. И такое свойство современного российского общества, как многосоставность способно увеличивать деструктивные риски, поскольку региональный взгляд на историю может отличаться от общенационального видения прошлого (Самаркина, 2017). Юг России, географически тождественный современным границам Южного федерального округа, как многоэтнический и поликультурный регион в этом смысле вызывает особый интерес. С одной стороны,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31514-опн «Политика памяти как ресурс формирования гражданской идентичности и позитивного образа будущего страны в сознании молодежи Юга России».

в его состав входит такой молодой субъект РФ, как Республика Крым, который до недавнего времени находился под воздействием украинского исторического нарратива. С другой стороны, имеется Краснодарский край с наличием собственного нарратива и самобытной казачьей идентичности. И возможное несоответствие нарративов способно обусловить возникновение конфликта идентичностей в регионе. Одним из средств уменьшения конфликтогенных рисков в регионе является школьное историческое образование, которое, благодаря учебникам по истории, способно передавать молодому поколению позитивный и интегративный взгляд на прошлое. Поэтому цель нашей статьи заключается в сравнительном изучении учебников по региональной истории Крыма и Краснодарского края как инструментов создания позитивной общенациональной идентичности.

Учебник как инструмент политики памяти

Сложность теоретической фокусировки при изучении тем памяти объясняется пестротой и запутанностью подходов, понятий и методологий современного поля *memory studies* (Segesten, Wüstenberg, 2016; Зубанова, Зыховская, Шуб, 2021). Но несмотря на разнородность исследовательского поля, в нем складываются предметные области, вокруг которых кристаллизуется концептуальное единство. Одной из таких областей является роль политики в формировании памяти общества, обозначаемой как «политическое использование прошлого», «политика памяти», «историческая политика». Все эти термины означают символическую политику и различаются численностью акторов и степенью жёсткости методов, направленных на обращение к прошлому. Если «политическое использование прошлого» предполагает любые бессистемные практики ангажирования прошлого различными политическими силами, а «историческая политика» — использование государством административных и финансовых ресурсов, необходимых для контроля над историей со стороны правящей элиты, то «политика памяти» — это деятельность государства и других акторов, направленная на утверждение определенных социальных представлений о прошлом (Миллер, 2012; Малинова, 2017). В политике памяти прошлое используется различными политическими силами в нескольких целях: «для формирования и разграничивания национальных идентичностей, легитимации власти, мобилизации электоральной поддержки, обмена властными ресурсами» (Джонсон, Малинова, 2020). Тем самым политические силы, обладающие разным объемом экономического и культурного капиталов, соперничают между собой за установление господства своего исторического нарратива, приносящего победителю символическую прибыль в виде установления удобной социальной идентичности (Семененко, 2018). Конституирование нужной версии происходит посредством различных инструментов: праздников, публичных памятных речей, музеев, мемориалов, научных конференций, деятельности СМИ / блогосферы и т.д. Однако среди многих способов обращения к национальному прошлому в первую очередь любой человек сегодня сталкивается со школьным историческим образованием (Тишков, 2011). Когда ученики на уроке истории, слушая учителя, познают мир прошлого, школьный кабинет превращается в «место памяти» (Paulson et al., 2020), а текст учебника становится опорой формирования каркаса представлений о прошлом, который в будущем может дополняться множеством фактов и мнений, полученных посредством иных способов обращения к истории (Савельева, Полетаев, 2008). И, чем прочнее в его памяти усвоится этот каркас, тем устойчивее

будет его личная историческая память. Тем самым школьный учебник по истории становится ключевым проводником в процессе присвоения молодым человеком пространства легитимного национального прошлого. Поэтому написание учебника по истории, его продвижение в образовательную среду и использование в учебном процессе — яркое проявление работы политики памяти.

В рамках политики памяти школьный учебник по истории имеет две основополагающие функции: *формирование идентичности* и *воспроизводство социального порядка*. Во-первых, школьные учебники по истории задают молодому поколению очерченные границы социальной идентичности, багаж коллективного опыта и групповые прототипы, представленные героями прошлого, на которых следует равняться (Jenkins, 2008; Huddy, 2017). В результате полученные представления об общих местах, событиях и акторах прошлого позволяют молодым людям чувствовать сопричастность к одному народу — приобщаться к национальной идентичности. Во-вторых, учебник истории в школе — это средство легитимации существующих норм, ценностей, идеалов через образы прошлого. И поскольку за систему общего образования ответственно государство, постольку школьный учебник истории — это понимание и репрезентация достоверного прошлого со стороны государственных институтов и заинтересованных общественных организаций. Другими словами, содержание школьного учебника по истории отражает сложившийся актуальный политический и социальный порядок (Trošt, 2019), легитимирующийся в ходе образовательного процесса.

Методологические основания исследования

Согласно теории идентичности М. Хогга, изначальное состояние человека — неопределенность, вызванная неизвестностью и растерянностью смыслов, которые могут дать почву под ногами. Чтобы не потеряться во времени и пространстве, человек пытается обрести идентичность, т.е. зацепиться за постоянство, закрепляющее его координату в пространственно-временной плоскости (Hogg, Abrams, Brewer, 2017). Посредством интенции он производит значения, в которых означающее, реальное состояние воспринимаемого предмета, совпадает с означаемым — его образным содержанием. Однако значение для человека получает свой смысл только в том случае, если оно имеет связь с другими полученными значениями (Барт, 2008). Тем самым ранее неизвестный мир становится для человека познанным через нарратив — совокупность значений, связанных между собой. Принимая и прочитывая множество нарративов, человек находит и осознает свое место в мире.

Нарративы не существуют сами по себе — они создаются и изменяются в соответствии с актуальным социокультурным контекстом, поэтому их содержание будет всегда зависеть от принятой в социальной среде культурной модели (Салиева, 2012; Koven, 2015; Нечаева, 2020). Иными словами, конструирование содержания нарратива, выбор соответствующих сюжетов определяются не столько личностными пристрастиями его авторов, сколько социальными условиями и культурными особенностями, в которых они находятся в момент создания повествования.

С методологической точки зрения нарратив выступает междисциплинарным концептом, поэтому на него можно смотреть по-разному, применяя к его пониманию специфические исследовательские подходы (среди которых драматический, социолингвистический и структурный). В рамках этой статьи нами используется *драматический подход* к изучению нарратива (Ярская-Смирнова, 1997; Пузанова,

Троцук, 2003; Троцук, 2017), согласно которому любой рассказ имеет «грамматику истории»: он состоит из сюжетов, логически связанных между собой, где присутствует *актер / действующее лицо*, которое играет отведенную ему роль в процессе повествования. И для исполнения своей партии актер должен быть помещен в пересечение нескольких измерений: *времени, места и действия* (Franzosi, 2009). Иначе говоря, актер, появившись в повествовании, привязывается в конкретный промежуток времени к местности, где в отношениях с другими действующими лицами совершает уникальное событие. Примечательно, что именно смена измерений, в которых остается актер, подчеркивает обретение и укорененность его идентичности (Somers, 1994; Bamberg, 2009). В нарративе актер выступает в качестве обобщенного другого, от которого исходят ценностные установки и паттерны поведения. Он демонстрирует атрибуты конкретной социальной роли, являющейся для реципиента условным образцом. И если в ходе прочтения нарратива человек способен принять социальную роль актера повествования, то он приобретает социальную идентичность (Fairclough, 2004).

В соответствии с предложенными методологическими основаниями наше исследование учебников по истории выполнено поэтапно. На первом этапе раскрывался контекст российской системы общего образования, в рамках которого функционируют нарративы новейшей истории Краснодарского края и Республики Крым. На втором этапе в рамках драматического подхода к изучению нарративов нами проводился контент-анализ текстового массива учебников (по истории России, кубановедению и крымоведению) с применением компьютерной программы Atlas.ti 9. Единицами анализа выступили отдельные слова (термины и имена собственные), отражающие класс акторов и их действия, а также время и место. В качестве единицы счета была принята частота употребления в нарративах. Посредством функции «word list», встроенной в программу Atlas.ti 9, была составлена корреляционная модель словаря категорий, которая «проистекает из стремления рассматривать текст в его собственных терминах» (Hogenraad, Mckenzie, Péladeau, 2003). Полученный словарь позволил произвести репрезентационную интерпретацию текста, по логике которой аналитик («читатель») должен стараться взглянуть на текст с позиции источника («автора») (Олейник, 2009). Репрезентационная интерпретация позволила выделить корпус терминов и имен собственных, имеющих на страницах учебников, и провести нисходящую сортировку единиц анализа в соответствии с частотой их повторения как во всей совокупности учебников, так и в отдельных параграфах. Далее был составлен словарь контент-анализа, в котором на основании драматического подхода в виде смысловых единиц были выделены следующие категории анализа: «актер» (подкатегории: коллективный актер, индивидуальный актер), «место» (подкатегории: страна, регион, город, село), «событие» (подкатегории: «война», «революция», «отношение власти и общества», «народное хозяйство», «отношение центра и регионов»). На заключительном этапе исследования выявлялись основные тематические лейтмотивы, которые отражают содержание государственной политики памяти.

Контекст российской системы школьного исторического образования

В условиях российской системы общего образования имеется учебный курс «История России», который представлен в виде линейной системы преподавания, где события общенационального прошлого изучаются последовательно в ходе всего

процесса обучения с 6-го по 10-й класс (с VIII в. по настоящее время). Иначе говоря, окончивая 10-й класс, российский ученик уже должен владеть всеми базовыми знаниями об истории страны². Концептуальное содержание школьного предмета «История России» устанавливает историко-культурный стандарт (ИКС) от 2014 г., на основе которого была создана концепция учебно-методического комплекса (УМК) по отечественной истории, определяющая содержание школьных учебников. Примечательно, что на этапе обсуждения проекта концепции помимо частных лиц и государственных институтов принимали участие научные, педагогические, ветеранские, писательские, родительские, религиозные организации и объединения из 70 субъектов РФ, внесившие замечания в текст концепции (Манюхин, 2016). В 2020 г. была введена «Концепция преподавания учебного курса “История России” в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы», включающая в виде приложения обновленный ИКС. В ней был определен образовательный и воспитательный потенциал курса «Истории России»: отмечено, что данный учебный предмет способствует осознанию своей социальной идентичности, которая состоит из «общегражданских, этнонациональных, религиозных и иных составляющих». Для достижения этой цели Концепция настаивает на многоуровневом изучении истории в масштабе государства, региона, города, села, семьи. Однако констатируется, что курс «Истории России» в первую очередь должен служить основой для формирования общероссийской идентичности («как граждан России»), а уже потом для складывания иных идентичностей (Концепция преподавания учебного курса “История России”..., 2020).

В пределах Краснодарского края и Республики Крым кроме «Истории России» имеются свои региональные школьные дисциплины, включающие изучение прошлого родного края. В границах Краснодарского края такой дисциплиной является «Кубановедение», которая на ступени общего образования изучается с 5-го по 11-й класс. Особенность учебного курса «Кубановедение» заключается в междисциплинарном содержании: дисциплина включает в себя несколько предметных областей (история, обществознание, география, биология, литература, музыка, изобразительное искусство). При этом системообразующей основой курса является история Кубани, в результате чего в учебнике любого класса (за исключением 11-го) имеется раздел по истории региона (Кубановедение: программа для 5–9 классов..., 2017; Кубановедение: программа для 10–11 классов..., 2018). В 2018 г. был издан УМК по «Кубановедению», соответствующий ИКС, в результате чего последовательность разделов, посвященных истории Кубани, совпадает с хронологией отечественной истории. Иными словами, «Кубановедение» постепенно становится синхронизированным с «Историей России».

«Крымоведение» также является междисциплинарным региональным школьным учебным предметом, который изучается с 5-го по 9-й класс. Однако, в отличие от «Кубановедения» история региона в нем не является магистральным разделом

² В 11-м классе изучается предмет «Россия в мире», направленный на использование ранее полученных знаний для сравнения процессов и явлений российского прошлого с общемировыми. Однако в 2020 г. принятая «Концепция преподавания учебного курса “История России” в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы» отменила дальнейшее обязательное преподавание данной дисциплины. Вместо этого в 10–11-х классах в рамках линейной системы преподавания предлагается более углубленное изучение XX в. Но в федеральном перечне учебников на 2021–22 учебный год обновленные УМК по истории на данный момент отсутствуют.

(история Крыма рассматривается только в 6-м классе). Проблема в том, что в рамках одного учебного года учащиеся республики Крым должны изучить прошлое региона с древнейших времен до настоящего времени, в то время как история России 6 класса ограничивается VIII–XV вв. Таким образом, УМК по «Крымоведению» имеет десинхронизацию с изучением прошлого общенационального масштаба и является лишь введением в историю региона. Следовательно, если анализировать нарратив по новейшей истории (с 1914 г. по настоящее время), то необходимо обращаться к учебнику по истории России для 10-го класса (под ред. А. В. Торкунова), по «Крымоведению» для 6-го класса (под ред. А. В. Супрычёва) и учебнику по «Кубановедению» для 10-го класса (под ред. А. А. Зайцева). Тем самым под анализ попадает фрагмент о новейшей истории в указанном учебнике по «Крымоведению», рассматриваемый нами в качестве самостоятельного и целостного нарратива (объемом 2608 слов) и историческая часть учебника по «Кубановедению» для 10-го класса (объемом 11238 слов). Несмотря на меньший объем текстового массива, доля слов, включенных нами в категории анализа, в нарративе по «Крымоведению» больше, чем в нарративе по «Кубановедению», практически в 1,5 раза (8,43% и 5,76% соответственно), что нивелирует разницу сопоставимых величин.

Результаты эмпирического исследования

Нарратив по новейшей истории в школьных учебниках делится составителями на пять сюжетов / разделов, которые предложены в историко-культурном стандарте: 1) «Россия 1914–1922 гг.»; 2) «Советский Союз в 1920–1930-е гг.»; 3) «Великая Отечественная война»; 4) «СССР в 1945–1991 гг.»; 5) «Российская Федерация в 1991–2020 гг.». Описывая нарративы общенациональной истории и ее региональных компонентов, мы будем придерживаться данного сюжетного деления. Нам важно понять, какие *акторы* появляются на страницах учебников, как меняется их частота появления в повествовании, т.е. в переходе от одного сюжета к другому, в каком *месте* и в каких *событиях* они действуют.

Актеры. Изучение индивидуальных акторов в учебнике позволяет выявить коммеморативную плотность, т.е. узнать, какие периоды прошлого в нарративе и, следовательно, в историческом образовании наполнены персоналиями и занимают привилегированное положение, а какие нет. Сильная плотность делает описываемые эпизоды длительными и растянутыми, в то время как слабая плотность представляет исторический период в виде сжатого и скудного образа. Тем самым, учитывая плотность, при обращении к последовательности периодов, мы становимся способными определить коммеморативное время нарратива (Зерубавель, 2011).

Историко-культурный стандарт содержит упоминание 404 личностей из новейшей истории, жизнь которых подлежит изучению на школьных уроках. Количество персоналий в учебниках отличается от нормы ИКС: на страницах учебника по истории России содержится 700 исторических деятелей, в учебнике по кубановедению — 206, в учебнике по крымоведению — 12 (рис. 1).

Распределение персоналий по периодам дает представление о коммеморативной плотности нарратива (рис. 2). В тексте ИКС такой сюжет, как «СССР в 1945–1991 гг.», сосредотачивает большинство персоналий (36%), на втором месте по количеству исторических личностей находится «Советский Союз в 1920–1930-е гг.» (22%), на третьем — «Великая Отечественная война» (19%), на четвертом — «Российская Федерация в 1991–2020 гг.» (12%), и на пятом — «Россия в 1914–1922 гг.» (11%).

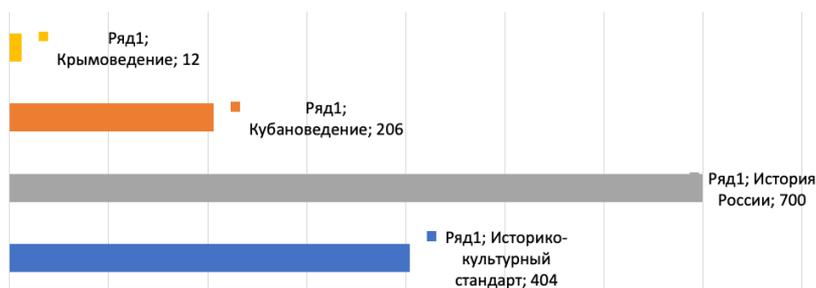

Рис. 1. Количество персоналий в исторических нарративах учебников

Fig. 1. Number of personalities in historical narratives of textbooks

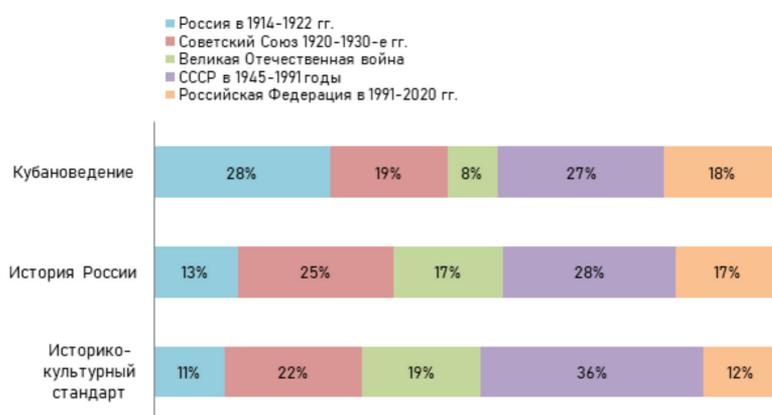

Рис. 2. Распределение персоналий в сюжетах нарративов учебников, %

Fig. 2. Distribution of personalities in narratives of textbooks, %

Для учебника «История России» характерно такое же ранжирование периодов по насыщенности индивидуальными акторами. Однако в нем по сравнению с ИКС концентрация изучаемых личностей уменьшается при описании «СССР в 1945–1991 гг.» (28%) и увеличивается в сюжете о постсоветской истории (17%). В учебнике «Кубановедение» исторические персоналии распределяются совершенно иначе: больше всего имен прошлого представлено в сюжете о «России 1914–1922 гг.» (28%), за ним следует «СССР в 1945–1991 гг.» (27%), на третьем месте располагается «Советский Союз в 1920–1930-е гг.» (19%), на четвертом — «Российская Федерация в 1991–2020 гг.» (18%). Меньше всего исторических личностей содержится в описании событий «Великой Отечественной войны» (8%). В учебнике «Крымоведение» из-за небольшого объема исторических деятелей в тексте их процентное распределение по периодам будет слабо отражать состояние нарратива. Количественное распределение персоналий по истории Крыма выглядит следующим образом: «Россия в 1914–1922 гг.» — 3 личности, «Великая Отечественная война» — 4, «СССР в 1945–1991 гг.» — 1, постсоветский период — 4.

Следовательно, коммеморативное время в региональных нарративах отличается от общенационального. По сравнению с историко-культурным стандартом, с одной

Рис. 3. Узловые индивидуальные акторы новейшей истории в нарративах учебников по «Истории России», «Кубановедению», «Крымоведению» (визуализация произведена с помощью Gephi 0.9.2)

Fig. 3. Nodal individual actors of recent history in narratives of textbooks on the history of Russia, Kubanovedeniye, Krimovedeniye (visualization made with Gephi 0.9.2)

стороны, новейшая история Краснодарского края расширяется в повествовании о Первой мировой войне, революционных событиях 1917 г. и Гражданской войне, однако, с другой стороны, происходит весомое сужение истории СССР (в ИКС личности Советского Союза занимают 77% от всего нарратива по новейшей истории, в то время как в учебнике по кубановедению — 54%). Примечательно, что наибольшее сужение истории СССР происходит при изложении истории Великой Отечественной войны. Что касается региональной истории Крыма, то по количеству персоналий нарратив учебника имеет слабую коммеморативную плотность, что осложняет определение коммеморативного времени.

Среди наиболее популярных личностей нарратива новейшей истории Краснодарского края по частоте повторения выделяются следующие персоналии: *И. В. Сталин* (7 упоминаний), *А. И. Деникин* (6), *Н. С. Хрущев* (4), *Е. Н. Егоров* (4), *А. П. Филимонов* (4), *Е. И. Ковтюх* (3), *Н. И. Кондратенко* (3), *В. И. Ленин* (2), *Л. Г. Корнилов* (2), *М. А. Фостиков* (2). Перечень популярных исторических лиц нарратива по новейшей истории учебника Крымоведения выглядит иначе: *В. В. Путин* (2), *С. В. Аксенов* (2), *В. А. Константинов* (2), *П. Н. Врангель* (2). Однако важным становится поиск узловых персоналий, в которых общенациональный и региональные исторические нарративы пересекаются и согласовываются, поскольку, согласно Концепции, сегодня в историческом образовании существует проблема десинхронизации общенациональной и региональной историй (Концепция преподавания учебного курса «История России»..., 2020). Проведенный контент-анализ показал, что в школьных учебниках присутствуют общие исторические личности, в которых пересекаются нарративы новейшей истории (рис. 3). Нарративы учебников по истории Краснодарского края и истории России имеют 10 узловых персоналий, в то время как нарративы учебников по «Крымоведению» и «Истории России» — 4. Это еще одно подтверждение, что школьный исторический нарратив по «Кубановедению» сильнее связан с российским нарративом, что он более интегрирован с общенациональной историей.

Помимо персоналий в прошлом всегда присутствуют коллективные акторы (политические силы, социальные слои и органы государственной власти / государственные структуры), воздействующие на ход истории. Среди политических сил

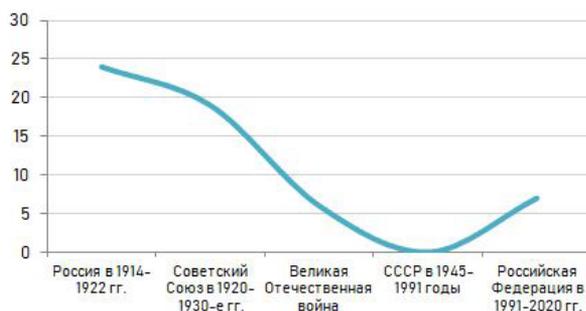

Рис. 4. Динамика частоты упоминаний казачества в нарративе учебника «Кубановедение»

Fig. 4. Dynamics of the frequency of references to the «Cossacks» in narrative of the textbook *Kubanovedenie*

в повествовании учебника по истории России имеются следующие коллективные акторы: КПСС (110 упоминаний), большевики (46), ВКП(б) (26), эсеры (18), РКП(б) (14), меньшевики (6), белые (9), красные (6); социальные силы представлены такими категориями, как рабочие / пролетариат (33), крестьяне (22). В качестве коллективных акторов в нарративе учебника по истории России имеют место и государственные структуры: Красная Армия (50), Политбюро (20), СНК (12), ВЦИК (15), Временное правительство (13), Верховный совет (7), Съезд народных депутатов (5).

Исторический нарратив Краснодарского края включает меньше социальных и политических сил. Однако в нем имеется ярко выраженный коллективный актор *казачество*. Всего в течение повествования оно упоминается 56 раз, однако если посмотреть на изменение частоты использования термина, то становится видна его динамика в нарративе (рис. 4). Наиболее востребовано *казачество* при описании «России в 1914–1922 гг.» (24), где оно превалирует над *иногородними* (4) — еще одной социальной силой, присутствующей в повествовании. Однако после описания событий Гражданской войны казачество постепенно утрачивает свою актуальность в качестве главного действующего лица истории и даже подлежит забвению при рассказе сюжета о «СССР в 1945–1991 гг.». В то же время на месте прежней движущей силы истории начинают возникать новые коллективные акторы — *жители* (6) и *кубанцы* (4). И несмотря на то, что описание постсоветской истории возвращает *казачество* (7) на страницы учебника, теперь оно вынуждено сосуществовать с новыми акторами. Такая динамика в нарративе обуславливается реальной идентичностью современного кубанского казачества, коллективная память которого вытеснялась и деактуализировалась в советские годы (Кочергин, 2017).

Новейшая история Крыма, запечатленная в учебнике, наоборот, не имеет четко сформированного коллективного актора, который продолжал бы играть существенную роль в течение всего нарратива. Исключение составляет лишь *армия*, 10 раз упомянутая в сюжете о «России в 1914–1922 гг.» и 10 раз — в сюжете о «Великой Отечественной войне». В ходе описания следующего исторического периода — «СССР в 1945–1991 гг.» — в качестве нового актора появляются *крымские татары* (4), которые теряются при рассказе сюжета о постсоветской истории и заменяются другим действующим лицом — *крымчанами* (5).

Место. В повседневной жизни для многих людей связь с прошлым не является столь очевидной — осознание прошлого имеет несколько точек фокусировки, которые делают абстрактное и отделенное прошлое ближе. И одними из таких

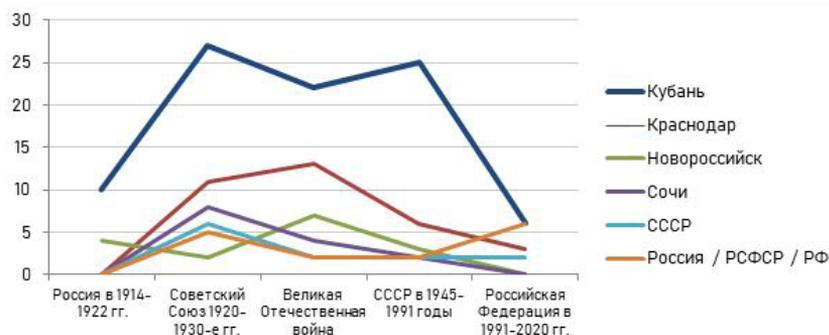

Рис. 5. Динамика упоминаний топонимов в нарративе учебника по Кубановедению

Fig. 5. Dynamics of toponym references in narrative of the textbook on Kubanovedenie

точек фокусировки являются места, присутствующие в повествовании (Cubitt, 2007). Пространственная локализация нарратива истории Краснодарского края представлена 19 местами: *Кубань* (90), *Краснодар* (33), *Новороссийск* (16), *Сочи* (14), *СССР* (12), *Екатеринодар* (9), *Россия* (7), *РСФСР* (7), *РФ* (6), *Туапсинский район / Туапсе* (4), *Малая земля* (3), *Адыгея* (3), *Армавир* (2), *Майкоп* (2), *Полтавская* (2), *Кавказ* (2), *Елизаветинская* (2), *Черноморье* (2), *Таманский полуостров* (2). Региональная локализация выражена ярче, чем общенациональная, однако упоминание Кубани имеет неодинаковое распределение в сюжетах нарратива: в содержании раздела, касающегося Первой мировой войны, революционных событий 1917 г. и Гражданской войны, Кубань как место упоминается 10 раз. Чаще всего название региона наличествует в описании «Советского Союза в 1920–1930 гг.» (27), «Великой Отечественной войны» (22), «СССР в 1945–1991 гг.» (25). Однако в сюжете о постсоветской России актуализация Кубани как места нарратива утрачивается (6) и в то же время увеличивается количество упоминаний «*России / РФ*» (6) (рис. 5).

В нарративе крымоведения региональные места также являются превалирующими: частота упоминаний Крыма как места, в котором акторы вершат историю, увеличивается практически в 2 раза при описании современной постсоветской истории в сравнении с 1945–1991 гг. Примечательно, что среди городов в течение всего повествования большее внимание уделяется Севастополю (о столице Республики Крым Симферополе говорится гораздо реже) (рис. 6).

Таким образом, и в рамках Кубановедения, и в рамках Крымоведения выигрывает региональная локализация нарратива с одним существенным различием: если при описании прошлого Краснодарского края Кубань предстает в контексте прошлого, то при рассказе о республике Крым регион больше привязан к настоящему.

События. Из всей совокупности действий, содержащихся в нарративе, событие — это точка отсчета происходящих изменений (Nühn, 2009), это триггер нарратива, на котором концентрируется повествование. При анализе событий необходимо исходить из их значимости и интертекстуальности. Нарративными событиями, имеющими значение как в тексте, так в социальной жизни являются те, которые повторяются чаще всего. Однако следует понимать, что нарративные события не ограничиваются лишь одним текстом — они могут фигурировать в границах различных нарративов. Поэтому поиск одинаковых событий, которые повторяются в разных источниках, это возможность увидеть наиболее важные события за рамками текста и, следовательно, понять фокус исторической памяти (Wortham,

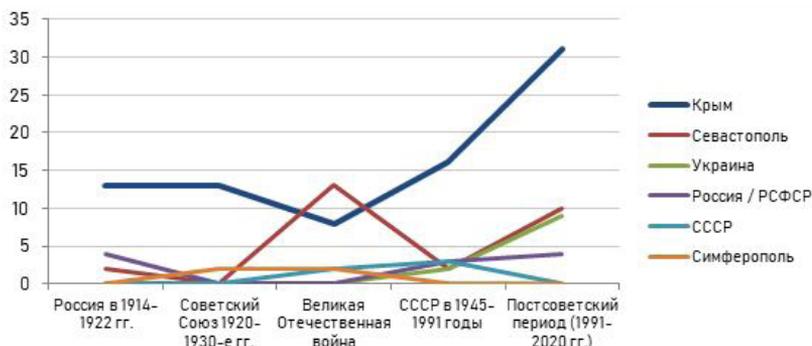

Рис. 6. Динамика упоминаний топонимов в нарративе учебника по «Крымоведению»

Fig. 6. Dynamics of toponym references in narrative of the textbook on "Krimovedenie"

Rhodes, 2015). Все выделенные нами нарративные события учебников разделяются на пять тематических групп 1) «война»; 2) «революция»; 3) «отношения власти и общества»; 4) «народное хозяйство»; 5) «отношения центра и регионов». В соответствии с группами упоминания событий в учебниках распределяются следующим образом.

1) История России. «Война»: *Гражданская война* (85), *Великая Отечественная война* (57), *Первая мировая война* (33), *Вторая мировая война* (27), *советско-финляндская война* (4). «Революция»: *Февральская революция / февральские события* (8); *Октябрьская революция / октябрьское вооруженное восстание в Петрограде* (6). «Отношения власти и общества»: *репрессии* (75), *расстрел* (30), *выборы* (29), *демонстрация* (20), *террор* (20), *раскулачивание* (13), *митинг* (11), *референдум* (9), *голосование* (9), *депортация* (6), *реабилитация* (6). «Народное хозяйство»: *индустриализация* (64), *производство* (46), *восстановление народного хозяйства* (40), *коллективизация* (34), *голод* (18). «Отношения центра и регионов»: *воссоединения Крыма с Россией* (4).

2) Кубановедение. «Война»: *Гражданская война* (27), *Великая Отечественная война* (19), *Первая мировая война* (17). «Революция»: *Великая российская революция* (2), *Февральская революция* (1). «Отношения власти и общества»: *реабилитация* (9), *расстрелы* (8), *репрессии* (7), *расказачивание* (3), *террор* (2). «Народное хозяйство»: *восстановление народного хозяйства* (17), *коллективизация* (14), *производство* (6), *голод* (4), *индустриализация* (2).

3) Крымоведение. «Война»: *Великая Отечественная война* (5), *Гражданская война* (2), *гражданская война на Украине* (2), *Вторая мировая война* (1), *Первая мировая война* (1). «Революция»: *переворот в Киеве* (2), *буржуазная революция* (1). «Отношения власти и общества»: *референдум* (4), *голосование* (2), *митинг* (2), *депортация* (1), *шестствие* (1). «Народное хозяйство»: *восстановление народного хозяйства* (2), *индустриализация* (2). «Отношения центра и регионов»: *воссоединение Крыма с Россией* (4), *вхождение Крыма в РФ* (2).

Если посмотреть на положение всех представленных событий в интертекстуальном поле, то становятся видны связи региональных и общенационального нарративов новейшей истории (рис. 7). У «Истории России» с «Кубановедением» имеется больше узловых событий, чем с «Крымоведением» (14 и 11 соответственно), что еще раз подчеркивает более сильную степень интеграции истории Краснодарского края с общероссийским прошлым. Школьный нарратив по истории

Рис. 7. Узловые события новейшей истории в нарративах учебников по «Истории России», «Кубановедению», «Крымоведению» (визуализация произведена с помощью Gephi 0.9.2)

Fig. 7. "Nodal" events of recent history in narratives of textbooks on the history of Russia, Kubanovedenie, Krimovedenie (visualization made with Gephi 0.9.2)

Крыма имеет более выраженную особенность, что отражается в его нацеленности на раскрытие современных событий постсоветского прошлого — в особенности событий, касающихся политического кризиса на Украине в 2014 г. и воссоединения Крыма с Россией.

Тематические лейтмотивы. Однако описания значимости и интертекстуальности событий недостаточно для понимания нарратива, необходимо выделять «цепочки повествуемых событий», по которым движутся автор и адресат нарратива (Wortham, Rhoades, 2015). Анализируя ИКС как инструмент политики памяти, историк К. А. Соловьев выделяет четыре цепочки повествования: 1) государство; 2) общество; 3) история народов; 4) Россия и внешний мир. Согласно этим цепочкам Россия предстает как модернизирующееся государство, историческое развитие которого направлено от худшего к лучшему. Но наиболее высоких результатов в своей истории она достигала лишь при условии сотрудничества власти и общества. С позиции национальностей весь исторический процесс России предстает как культурная диффузия различных народов, постепенно включаемых в состав страны. И в сравнении с остальными государствами Россия презентуется как нормальная страна, которая развивается по таким же закономерностям, как и другие (Соловьев, 2020). Эти цепочки событий не монополия общегосударственного масштаба — аналогичные магистральные линии повествования, которые нами условно обозначаются как тематические лейтмотивы, встречаются и в региональных нарративах новейшей истории.

В учебнике по «Крымоведению» первый лейтмотив — *государство* — касается вопроса принадлежности полуострова к различным государственным образованиям в прошлом. Реперными точками этого лейтмотива являются: «*Республика Таврида / Таврическая Советская Социалистическая республика*» → «*контроль Крыма*

Белой армией» → «Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР» → «Крымская область в составе РСФСР» → «передача Крымской области в состав Украинской ССР» → «Автономная Республика Крым в составе Украины» → «воссоединение Крыма с Россией». С самого начала лейтмотива изменение территориально-административного положения Крыма оценивается как часть закономерного исторического процесса, в котором регион развивается к лучшему. Однако когда повествование доходит до описания Автономной Республики Крым в составе Украины, то оценочный оттенок становится негативным. В учебнике отмечается, что после распада СССР для региона «наступил сложный исторический период», характеризующийся разрывом сложившихся экономических связей с другими регионами бывшего Советского Союза, ограничением прав автономии Республики Крым Конституцией Украины 1996 г., банкротством предприятий, социальной незащищенностью граждан со стороны государства. Поэтому воссоединение Крыма с Россией предстает как восстановление закономерности исторического развития, которое «гарантирует возрождение Крыма, мирную жизнь и счастливое будущее его граждан».

Второй лейтмотив, присутствующий в историческом нарративе Крыма, — *общество*. В нем население Крыма постепенно раскрывается как участник исторического процесса, равнодушный к судьбе своей малой родины. Население Крыма впервые активизируется в годы Великой Отечественной войны, но уже в последующих этапах прослеживается разрыв в отношениях между властями и жителями региона, в результате чего в 1954 г. решение о передаче Крыма Украинской ССР принимается властями без учета мнения населения полуострова. Этот разрыв продолжается и в постсоветской истории, когда после крымского референдума 1991 г. мнение населения не было услышано уже украинскими властями. Нарастание противоречий и увеличение политической дистанции между жителями Крыма и украинскими властями привели к конфликту, итогом которого стало обретение крымчанами статуса коллективного актора, принявшего решение воссоединиться с Россией.

Третий лейтмотив учебника по «Крымоведению» — национальные отношения, включающие следующие реперные точки: «возникновение национальных конфликтов после 1917 г.» → «депортация крымских татар и других народов, исторически населявших полуостров» → «возвращение на родину депортированных». В нарративе отмечается, что после революционных событий 1917 г. народы Крыма опасались, что большевистская власть не будет учитывать их интересы. Тем самым на территории полуострова сформировались националистические организации, между которыми происходили конфликты. Советская власть негативно относилась к представителям нерусских этносов региона, которые в 1944 г. подверглись депортации. Однако постепенно отношение власти изменилось, и в 1987 г. высланные народы Крыма получили возможность вернуться обратно. А в постсоветской истории национальное разнообразие региона сводится к единому коллективному актору — *крымчанам*.

Четвертый лейтмотив — *Крым и внешний мир* состоит из последовательности таких точек, как «интервенция немцев, англичан, французов» → «немецкая оккупация во время Великой Отечественной войны» → «угроза со стороны украинских националистов». Иначе говоря, в течение всего нарратива новейшей истории на территории Крыма присутствуют враги, которые занимаются грабежом, разрушают хозяйственные строения, сжигают и разрушают культурные и социально значимые здания, мучают мирное население. И поскольку в современной истории

Крыма появилась новая угроза в лице украинских националистов, постольку задача крымчан состоит в защите своих земель.

В учебнике по «Кубановедению» такой лейтмотив, как *государство* сосредотачивается на двух связанных событиях: «*многовластие*» → «*Краснодарский край*». Согласно нарративу территориально-административный вопрос нынешнего Краснодарского края остро стоял лишь в годы Гражданской войны, когда у населения региона было разное видение будущей судьбы Кубани (одни выступали за автономию / самостоятельность, другие — за интеграцию с Россией), однако с установлением советской власти этот вопрос отпал. Поэтому в повествовании учебника Краснодарский край позиционируется как неотъемлемая часть России, разделяющая с ней общую судьбу. Лейтмотив под названием *общество* состоит из следующих точек повествования: «*противоречия между казаками и иногородними*» → «*расказаживание*» → «*участие казаков в Великой Отечественной войне*» → «*реабилитация казачества*». Отмечается, что к началу новейшей истории Кубань представляла собой место столкновений экономических противоречий между казачеством и иногородними (переселенцами из других регионов России), что предопределило разрозненность кубанского общества в годы Гражданской войны. В 1920-е гг. казачество подверглось репрессиям со стороны властей, в результате чего существование особой казачьей идентичности находилось под угрозой. Но несмотря на притеснения, казачество не утратило себя в качестве действующей силы истории, что подтверждается героическим участием казаков в антигитлеровской борьбе во время Великой Отечественной войны. В учебнике подчеркивается, что и в послевоенное время через достижения в культуре поддерживается казачья идентичность (в частности, выпускаются киноленты о казаках, продолжает работать Кубанский казачий хор). Поэтому логическим завершением лейтмотива является рассказ о получении казачеством правового признания как в масштабах края, так и страны. В третьем лейтмотиве — *национальные отношения* — выделяется системообразующий коллективный актер — казачество, которое, согласно авторам учебника, совместно с адыгским этносом и иногородними сформировали единую кубанскую идентичность, в основе которой находится «*дух первопроходничества*», предприимчивость и способность преодолевать трудности. Если говорить о *Кубани и внешнем мире*, то (за исключением Великой Отечественной войны) в ходе повествования отсутствует образ врага. Как правило, история края ссылается на дипломатические контакты в международном сообществе, среди которых — отправление кубанской делегации на Парижскую мирную конференцию в 1919 г. и организация Первого международного конгресса кубанских казаков в 1993 г.

Заключение

Общим, как для российского, так и для региональных нарративов новейшей истории Краснодарского края и Республики Крым является наличие позитивного вектора развития, т.е. направленности хода истории от трудного прошлого к хорошему настоящему. Встречавшиеся препятствия на пути государства и регионов являлись в то же время стимулом для последующего развития. Ощущение общей судьбы России и регионов определяет единую сюжетную канву новейшей истории, представленную в учебниках российского и регионального уровней. И в рамках этого общего хода истории население России и регионов своими действиями стараются обрести или сохранить имеющуюся социальную идентичность.

Нарратив новейшей истории Краснодарского края показывает учащимся, что сегодня в границах региона исторически сложилась *кубанская идентичность*. Она имеет многосоставный этносоциальный характер и отличается «духом первопророчества», т.е. стремлением к хозяйственному и культурному освоению региона и стойкостью перед трудностями. Эта идентичность не строится на враждебности, поскольку перед ней сегодня отсутствует ярко выраженный враг. Она встраивается в общероссийскую идентичность, так как исторически связана персоналиями и событиями, в которых они участвовали. Ядром кубанской идентичности является *казачья идентичность*, которая была сформирована на момент начала новейшей истории. В течение же советского периода она боролась за свое сохранение и активизировалась в трудные для России и Краснодарского края времена.

В нарративе новейшей истории Крыма на страницах учебника предстает многосоставная *крымская идентичность*, которая была сформирована в период постсоветской истории. Её складывание обусловлено историческими причинами: экономическими трудностями региона после распада СССР, неопределенностью территориально-административного статуса, политической конфронтацией украинских властей с населением полуострова. Следовательно, крымская идентичность в нарративе выступает как аккумулированная реакция на накопившиеся проблемы прошлого и основывается на защите своего коллективного волеизъявления от внешних политических сил. А главной её ценностью в настоящем и будущем является мирное развитие региона. Молодость крымской идентичности объясняет усиление фокуса нарратива в постсоветской истории, где сосредоточены события и персоналии, интегрированные в общероссийский нарратив.

Библиографический список

- Барт, Р. (2008). *Мифологии*. Москва: Академический проект.
- Джонсон, Дж., Малинова, О. В. (2020). Символическая политика как предмет political science и Russian studies: исследования политического использования прошлого в постсоветской России. *Политическая наука*, 2, 15–41. DOI:10.31249/poln/2020.02.01
- Зубанова, Л. Б., Зыховская, Н. Л., Шуб, М. Л. (2021). Актуальные тренды памяти: проблемное поле журнала Memory Studies. *Социологические исследования*, 2, 140–145. DOI:10.31857/S013216250010091-3
- Зерубавель, Я. (2011). *Динамика коллективной памяти. Империя в зеркале исторической памяти*. Москва: Новое издательство.
- Торкунов, А. В. (ред.) (2016). *История России. 10 класс: учебник для общеобразовательных организаций: в трёх частях* Москва: Просвещение.
- Концепция преподавания учебного курса “История России” в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы. (2020). Режим доступа <https://docs.edu.gov.ru/document/b12aa655a39f6016af3974a98620bc34/>
- Кочергин, А. А. (2017). Казачья идентичность, историческая память, этнический дискурс: случай кубанского казачества. В А. К. Аликберов (ред.) *Историческая память и российская идентичность на Северном Кавказе* (с. 80–103). Москва: ИВ РАН.
- Супрычев, А. В., Ачкинази, Б. А., Шевцов, А. А. и др. (ред.) (2018). *Крымоведение: Историко-культурный обзор Крыма. 6 класс: учебное пособие*. Симферополь: Наша школа.
- Кубановедение: программа для 5–9 классов общеобразовательных учреждений (организаций) Краснодар. Края.* (2017). Краснодар: Перспективы образования.

- Кубановедение: программа для 10–11 классов общеобразовательных учреждений (организаций) Краснодар. края. (2018). Краснодар: Перспективы образования.
- Зайцев, А. А. (ред.) (2018). *Кубановедение: Учебное пособие для 10 кл. общеобразоват. организаций*. Краснодар: Перспективы образования.
- Малинова, О. В. (2017). Политика памяти как область символической политики. В А. И. Миллер, Д. В. Ефременко (ред.) *Методологические вопросы изучения политики памяти: Сборник научных трудов* (с. 27–53). Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Манюхин, И. С. (2016). Новая концепция учебно-методического комплекса по отечественной истории как программа развития школьного исторического образования в России. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*, 18(3), 118–122.
- Миллер, А. И. (2012) Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. В А. И. Миллер, М. Липман (ред.) *Историческая политика в XXI в.: Сборник статей* (с. 7–32). Москва: Новое литературное обозрение.
- Нечаева, А. А. (2020). Нарративный анализ как метод исследования коллективной памяти. *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*, 2, 81–93.
- Олейник, А. Н. (2009). Триангуляция в контент-анализе: вопросы методологии и эмпирическая проверка. *Социологические исследования*, 2, 65–79.
- Савельева, И. М., Полетаев, А. В. (2008). *Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы историю*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Салиева, Л. К. (2012). Нарративный анализ. История и современность. Сферы приложения. *Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество)*, 3, 116–128.
- Самаркина, И. В. (2017). Политика памяти и исторический нарратив. В И. С. Семеренко (ред.) *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* (с. 666–670). Москва: «Весь мир».
- Семененко, И. С. (2018). Прошлое на переднем крае политики идентичности. *Мировая экономика и международные отношения*, 62(11), 65–76.
- Соловьев, К. А. (2020). Историко-культурный стандарт в контексте российской исторической политики. В *Память и идентичность — II. Кто пишет историю: особенности формирования исторического нарратива: сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции* (с. 217–227). Москва: Российский государственный гуманитарный университет.
- Тишков, В. А. (2011). Историческая культура и идентичность. *Уральский исторический вестник*, 2(31), 4–16.
- Троцук, И. В. (2017). О метатеоретизировании в области анализа текстовых данных. *Социологические исследования*, 9, 12–21.
- Пузанова, Ж. В., Троцук, И. В. (2003). Нарративный анализ: понятие или метафора? *Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М)*, 17, 56–82.
- Ярская-Смирнова, Е. Р. (1997). Нарративный анализ в социологии. *Социологический журнал*, 3. Режим доступа: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/342/316>
- Bamberg, M. (2009). Identity and Narration. In P. Hühn, J. Pier, W. Schmid, J. Schönert (Eds) *Handbook of Narratology* (pp. 132–143). Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- Cubitt, J. (2007). *History and Memory*. Manchester; New York: Manchester University Press.
- Fairclough, N. (2004). *Analysing Discourse Textual Analysis for Social Research*. London; New York: Routledge.
- Franzosi, R. (2010). *Quantitative Narrative Analysis*. London: SAGE Publication, Inc.
- Hogenraad, R., Mckenzie, D. P., Péladeau, N. (2003). Force and Influence in Content Analysis: The Production of New Social Knowledge. *Quality & Quantity*, 37, 221–238.
- Hogg, M. A., Abrams, D., Brewer, M. B. (2017). Social Identity: The Role of Self in Group Processes and Intergroup Relations. *Group Processes & Intergroup Relations*, 20(5), 570–581. DOI:10.1177/1368430217690909

- Huddy, L. (2001). From Social to Political Identity: A Critical Examination of Social Identity Theory. *Political Psychology*, 22(1), 127–156. DOI: 10.1111/0162-895X.00230
- Hühn, P. (2009). Event and Eventfulness. In P. Hühn, J. Pier, W. Schmid, J. Schönert (Eds) *Handbook of Narratology* (pp. 80–97). Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- Jenkins, R. (2008). *Social Identity*. London: Routledge.
- Koven, M. (2015). Narrative and Cultural Identities. Performing and Aligning with Figures of Personhood. In A. De Fina, A. Georgakopoulou (Eds) *The Handbook of narrative analysis* (pp. 388–407). Oxford: Wiley Blackwell.
- Paulson, J. et al. (2020). Education as Site of Memory: Developing a Research Agenda. *International Studies in Sociology of Education*, 29(4), 429–451. DOI: 10.1080/09620214.2020.1743198
- Segesten, A. D., Wüstenberg, J. (2017). Memory Studies: The State of an Emergent Field. *Memory studies*, 10(4), 474–489. DOI:10.1177/1750698016655394.
- Somers, M. R. (1994). The Narrative Constitution of Identity: A Relational and Network Approach. *Theory and Society*, 23(5), 605–649.
- Trošt, T. P. (2019). Remembering the Good: Constructing the Nation Through Joyful Memories in School Textbooks in the Former Yugoslavia. *Memory Studies*, 12(1), 27–45. DOI:10.1177/1750698018811986
- Wortham, S., Rhoades, C. R. (2015). Narratives across Speech Events. In A. De Fina, A. Georgakopoulou (Eds) *The Handbook of Narrative Analysis* (pp. 160–177). Oxford: Wiley Blackwell.

Статья поступила в редакцию 14.06.2021
Статья принята к публикации 26.06.2021

Для цитирования: Рожков А. Ю., Рунаев Т. А. Школьные учебники по новейшей истории Юга России как ресурс политики памяти.— *Южно-российский журнал социальных наук*. 2021. Т. 22. № 2. С. 104–123.

SCHOOL TEXTBOOKS ON THE RECENT HISTORY OF THE SOUTH OF RUSSIA AS A RESOURCE OF MEMORY POLICY

A. Yu. Rozhkov, T. A. Runaev

Alexandr Yu. Rozhkov.

E-mail: avro14@mail.ru. ORCID 0000-0002-3064-2915.

Timofey A. Runaev.

E-mail: runaevt@yandex.ru. ORCID 0000-0002-0154-6959.

Kuban State University, Stavropolskaya Str, 149, Krasnodar, 350040, Russia.

Acknowledgements. The research was carried out through financial support of RFFR and EISR within the framework of the scientific project № 21-011-31514-opn “The policy of remembrance as a resource for the formation of a civic identity and a positive image of the future of the country in the minds of young people of the South of Russia”.

Abstract. One way to build a social identity is to transmit collective memory. But the presence of many images of the past, contradicting and conflicting with each other, leads to the struggle of identities and internal confrontation of society. For the successful reproduction of Russian national identity, therefore, it is necessary to have a single historical field, where different images of the past are harmonized in the form of a narrative. However, the complex nature of Russian society entails risks of divergent historical interpretations at the federal and regional levels. Minimizing risks requires a holistic system of historical schooling, with educational standards, curricula and textbooks as tools. It is therefore necessary to understand where the tools are located at the national and regional levels. The article examines the integration potential of regional school textbooks on the recent history of two constituent entities of the Russian Federation: the Krasnodar Territory and the Republic of Crimea. Research interests focus on constructing images of social identity in textbook narratives. First, the context of Russian school history is considered. Then, using a dramatic approach in narrative analysis,

the authors reveal the commemorative density of regional historical narratives, as well as their intertextual relationship with a national narrative. As a result, the main thematic lines of the narratives are distinguished, on the basis of which regional identities are presented. The conclusion states that the narrative of recent history in school textbooks aims at a positive perception of the regional and national identity by the pupils.

Keywords: memory policy, historical memory, historical narrative, general education, Krasnodar Territory, Republic of Crimea.

DOI 10.31429/26190567-22-2-104-123

References

- Bamberg, M. (2009). Identity and Narration. In P. Hühn, J. Pier, W. Schmid, J. Schönert (Eds) *Handbook of Narratology* (pp. 132–143). Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- Barthes, R. (2008). *Mifologii* [Mythologies]. Moskva: Akademicheskiiy proyekt.
- Cubitt, J. (2007). *History and Memory*. Manchester; New York: Manchester University Press.
- Fairclough, N. (2004). *Analysing Discourse Textual Analysis for Social Research*. London; New York: Routledge.
- Franzosi, R. (2010). *Quantitative Narrative Analysis*. London: SAGE Publication, Inc.
- Hogenraad, R., Mckenzie, D. P., Péladeau, N. (2003). Force and Influence in Content Analysis: The Production of New Social Knowledge. *Quality & Quantity*, 37, 221–238.
- Hogg, M. A., Abrams, D., Brewer, M. B. (2017). Social Identity: The Role of Self in Group Processes and Intergroup Relations. *Group Processes & Intergroup Relations*, 20(5), 570–581. DOI:10.1177/1368430217690909.
- Huddy, L. (2001). From Social to Political Identity: A Critical Examination of Social Identity Theory. *Political Psychology*, 22(1), 127–156. DOI: 10.1111/0162-895X.00230
- Hühn, P. (2009). Event and Eventfulness. In P. Hühn, J. Pier, W. Schmid, J. Schönert (Eds) *Handbook of Narratology* (pp. 80–97). Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- Jenkins, R. (2008). *Social Identity*. London: Routledge.
- Johnson, J., Malinova, O. V. (2020). Simvolicheskaya politika kak predmet political science i Russian studies: issledovaniya politicheskogo ispolzovaniya proshlogo v postsovetskoy Rossii [Symbolic Politics as a Matter of Political Science and Russian Studies: Studies of Political Uses of the Past in Post-Soviet Russia]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2, 15–41. DOI:10.31249/poln/2020.02.01
- Kochergin, A. A. (2017). Kazach'ya identichnost', istoricheskaya pamyat', etnicheskiiy diskurs: sluchay kubanskogo kazachestva [Cossack Identity, Historical Memory, Ethnic Discourse: The Case of Cuban Cossacks]. In *Istoricheskaya pamyat i rossiyskaya identichnost' na Severnom Kavkaze* [Historical Memory and Russian Identity in the North Caucasus] (pp. 80–103). Moskva: IV RAN.
- Kontseptsiya prepodavaniya uchebnogo kursa "Istoriya Rossii" v obrazovatel'nykh organizatsiyakh Rossiyskoy Federatsii, realizuyushchikh osnovnye obshcheobrazovatel'nye programmy* [The Concept of Teaching the "History of Russia" Course in Educational Organizations of the Russian Federation that Implement Basic General Education Programmes] (2020). Retrieved from <https://docs.edu.gov.ru/document/b12aa655a39f6016af3974a98620bc34>
- Koven, M. (2015). Narrative and Cultural Identities. Performing and Aligning with Figures of Personhood. In A. De Fina, A. Georgakopoulou (Eds) *The Handbook of narrative analysis* (pp. 388–407). Oxford: Wiley Blackwell.
- Kubanovedenie: programma dlya 10–11 klassov obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy (organizatsiy) Krasnodarskogo Kraya* [Kuban Studies: Program for 10th–11th Grades of General Educational Institutions (Organizations) in Krasnodar Territory] (2018). Krasnodar: Education prospects.
- Kubanovedeniye: programma dlya 5–9 klassov obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy (organizatsiy) Krasnodarskogo Kraya* [Kuban Studies: Program for 5th — 9th Grades of General Educational Institutions (Organizations) in Krasnodar Territory] (2018). Krasnodar: Education prospects.

- Malinova, O. V. (2017). Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy Politiki [Memory Policy as an Area of Symbolic Politics]. In A. I. Miller, D. V. Efremenko (Eds) *Metodologicheskiye voprosy izucheniya politiki pamyati: Sbornik nauchnykh trudov* [Methodological Issues of Studying Memory Policy] (pp. 27–53). Moskva; Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya.
- Manyukhin, I. S. (2016). Novaya kontseptsiya uchebno-metodicheskogo kompleksa po otechestvennoy istorii kak programma razvitiya shkolnogo istoricheskogo obrazovaniya v Rossii [New Conception of Educational and Methodical Complex on National History as a Program of Development of School History Teaching in Russia]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiyskoy akademii nauk* [News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 18(3), 118–122.
- Miller, A. I. (2012). Istoricheskaya politika v Vostochnoy Evrope nachala XXI v. [Historical Politics in Eastern Europe started XXI]. In A. I. Miller, M. Lipman (Ed.) *Istoricheskaya politika v XXI v.: Sbornik statey* [Historical Policy in the 21st century: Collection of Articles] (pp. 7–32). Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Nechaeva, A. A. (2020). Narrativnyy analiz kak metod issledovaniya kollektivnoy pamyati [Narrative Analysis as a Collective Memory Research Method]. *Vestnik RGGU. Seriya "Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedeniye"* [RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art Studies], 2, 81–93.
- Oleinik, A. N. (2009). Triangulyatsiya v kontent-analize: voprosy metodologii i empiricheskaya proverka [Triangulation in Content Analysis: Methodological Issues and Empirical Testing]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2, 65–79.
- Paulson, J. et al. (2020). Education as Site of Memory: Developing a Research Agenda. *International Studies in Sociology of Education*, 29(4), 429–451. DOI: 10.1080/09620214.2020.1743198
- Puzanova, J. V., Trotsuk, I. V. (2003). Narrativnyy analiz: ponyatie ili metafora? [Narrative Analysis: Concept or Metaphor?]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovaniye (Sotsiologiya:4M)* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)], 17, 56–82.
- Salieva, L. K. (2012). Narrativnyy analiz. Istoriya i sovremennost. Sfery prilozheniya [Narrative Analysis. History and Modernity. Areas of Application]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)* [Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration], 3, 116–128.
- Samarkina, I. V. (2017). Politika pamyati i istoricheskii narrative [Political Memory and Historic Narrative]. In I. S. Semerenko (Ed.) *Identichnost: Lichnost, obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye* [Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia] (pp. 666–670). Moskva: "Ves' mir".
- Savel'eva, I. M., Poletaev, A. V. (2008). *Sotsial'nye predstavleniya o proshlom, ili znayut li amerikantsy istoriyu* [Social Notions of the Past, or Whether Americans Know History]. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Segesten, A. D., Wüstenberg, J. (2017). Memory Studies: The State of an Emergent Field. *Memory studies*, 10(4), 474–489. DOI:10.1177/1750698016655394
- Semenenko, I. S. (2018). Proshloe na perednem krae politiki identichnosti [History on The Frontline of Identity Politics]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 62(11), 65–76.
- Solov'yev, K. A. (2020). Istoriko-kul'turnyy standart v kontekste rossiyskoy istoricheskoy politiki. Pamyat' i identichnost' — II [Historical and Cultural Standard in the Context of Russian Historical Policy. Memory and identity — II]. In *Kto pishet istoriyu: osobennosti formirovaniya istoricheskogo narrativa: sbornik statey po materialam Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Who Writes History: Features of the Formation of a Historical Narrative: A Collection of Articles on Materials of the All-Russian Scientific Conference] (pp. 217–227). Moskva: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet.
- Somers, M. R. (1994). The Narrative Constitution of Identity: A Relational and Network Approach. *Theory and Society*, 23(5), 605–649.

- Suprychev, A. V., Achkinazi, B. A., Shevtsov, A. A. et al. (Eds) (2018). *Krymovedeniye: Istoriko-kulturnyy obzor Kryma. 6 klass: uchebnoye posobiye* [Crimea: Historical and Cultural Survey of Crimea. 6th Grade. Training manual]. Simferopol: Nasha shkola.
- Tishkov, V. A. (2011). Istoricheskaya kultura i identichnost [Historical Culture and Identity]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2(31), 4–16.
- Torkunov, A. V. (Ed.) (2016). *Istoriya Rossii. 10 klass: uchebnyk dlya obshcheobrazovatelnykh organizatsiy: v trekh chastyakh* [History of Russia. 10th Grade: Textbook for General Education Organizations: In Three Parts]. Moskva: Prosveshcheniye.
- Trošt, T. P. (2019). Remembering the Good: Constructing the Nation Through Joyful Memories in School Textbooks in the Former Yugoslavia. *Memory Studies*, 12(1), 27–45. DOI: 10.1177/1750698018811986
- Trotsuk, I. V. (2017). O metateoretizirovaniy v oblasti analiza tekstovykh dannykh [Metatheorizing in The Sociological Study of Textual Data]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 9, 12–21.
- Wortham, S., Rhoedes, C. R. (2015). Narratives across Speech Events. In A. De Fina, A. Georgakopoulou (Eds) *The Handbook of Narrative Analysis* (pp. 160–177). Oxford: Wiley Blackwell.
- Yarskaya-Smirnova, E. R. (1997). Narrativnyy analiz v sociologii [Narrative Analysis in Sociology]. *Sociologicheskyy zhurnal* [Sociological Journal], 3. Retrieved from <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/342/316>
- Zaytsev, A. A. (Ed.) (2018). *Kubanovedeniye: Uchebnoye posobiye dlya 10 kl. obshcheobrazovat. organizatsiy* [Kuban Studies: Tutorial for 10 Classes Grades of General Education Organizations]. Krasnodar: Perspektivy obrazovaniya.
- Zerubavel, J. (2011). Dinamika kollektivnoy pamyati [Dynamics of Collective Memory]. *Imperiya v zerkale istoricheskoy pamyati* [Empire in the Mirror of Historical Memory]. Moskva: Novoye izdatelstvo.
- Zubanova, L. B., Zykhovskaya, N. L., Shub, M. L. (2021). Aktualnyye trendy pamyati: problemnoye pole zhurnala Memory Studies [Actual Trends of Memory: The Problem field of “Memory Studies”]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2, 140–145. DOI: 10.31857/S013216250010091-3

Received 14.06.2021

Accepted 26.06.2021

For citation: Rozhkov A. Yu., Runaev T. A. School Textbooks on the Recent History of The South of Russia as a Resource of Memory Policy. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2021. Vol. 22. No. 2. Pp. 104-123.

© 2021 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).